

ному, домашнему», о чём писал В. Г. Белинский как о характерной особенности романа. Однако в Житии это внимание к повседневному и «домашнему» сочетается с героикой подвига, с пафосом борьбы. Смелость сочетания героического и обыденного, трагического и комического выделяет Житие даже в ряду других современных ему произведений, выражавших ту же тенденцию в более слабой степени. В то время как средневековая письменность и даже более поздняя литература в разных жанрах давала образцы или только «низкого» или только «высокого», лишь в романе, как писал В. Г. Белинский, появилось сочетание самой возвышенной поэзии и самой обыденной житейской прозы.²⁴

Житие протопопа Аввакума может рассматриваться как выражение того закономерного процесса, который — в одних странах раньше, в других позже — протекал во всех европейских литературах. И те же самые причины, которые в конечном счете определили появление романа в Западной Европе эпохи Возрождения, а именно развитие буржуазных отношений и обусловленное этим выделение личности и повышенный интерес к ней, вызвали к жизни сходную тенденцию и на Руси. И неслучайно эта тенденция проявилась не ранее XVII в., который, по выражению В. И. Ленина, характеризовался «созданием связей буржуазных».²⁵ Но в отличие от западноевропейской литературы, где первыми формами романа явились рыцарский и плутовской роман, в условиях русской действительности XVII в., наряду со слабо выраженной тенденцией и этого типа (преимущественно в переводной литературе), более характерным оказалось появление начальных форм социально-бытового романа, причем им («Повесть о Савве Грудцыне», Житие протопопа Аввакума) была еще присуща религиозно-дидактическая направленность.

Обращение к опыту западноевропейской литературы помогает лучше понять некоторые особенности Жития как произведения, начинающего историю нового жанра в русской литературе. Характерной жанровой особенностью всех ранних форм западноевропейского романа, независимо от их видов и идейной направленности, была линейная композиция, при которой эпизоды-новеллы следовали один за другим, как бы нанизываясь на один общий стержень, наращиваясь в некий бесконечный ряд, объединенный лишь личностью центрального героя.²⁶ Именно такой же принцип лежит в основе композиции Жития Аввакума, представляющей разорванную цепь эпизодов-«повестей», скрепленную личностью рассказчика-героя. Разумеется, о знакомстве Аввакума с произведениями западноевропейской эпической литературы не может быть и речи; тем убедительнее проявление общих объективных законов композиции нарождающегося жанра романа в произведениях, столь далеких по своему характеру, по условиям, времени и месту своего возникновения. Даже сам автобиографизм Жития по-иному будет воспринят нами, если мы вспомним, что этому «естественному» автобиографизму первого предвестника русского романа соответствует излюбленная некоторыми ранними западноевропейскими романистами форма «псевдоавтобиографии», когда для усиления достоверности повествования герой является и рассказчиком своих приключений (доста-

²⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 267.

²⁵ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Сочинения, изд. 4-е, т. 1, М., 1941, стр. 138.

²⁶ Ср. эволюцию сюжета «Рейнеке-Лиса», возникшего из Jsegrinus'a Нивардуса, или «Les aventures de Renard», а также композицию романов «Жиль Блаз», «Лосарильо из Тормеса», «Поп Амис» Штрикера, «Тильд Эуленшпигель» и др., включая и «Дон-Кихота» Сервантеса.